

А. А. ЛИТВИН

Перевод — О. В. Маринин

Научный редактор текста перевода — А. А. Васильев

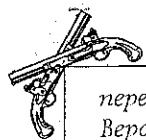
«Записки графа А. Х. Бенкендорфа. 1813 год». Неизвестные страницы

Мемуары были обнаружены после смерти графа 11 сентября 1844 года в его служебном кабинете и уже 1 октября 1844 года были представлены Императору. Текст воспоминаний был написан в тетрадах, которые хранились в двух портфелях и позднее были переплетены в такой же последовательности. Первые 18 тетрадей включали воспоминания за 1800 — 1824 годы. В настоящее время они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца¹. Второй том оказался в собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН².

В 1817 году А. Х. Бенкендорф по просьбе редактора «Военного журнала» Ф. Н. Глинки дал для публикации в журнале два фрагмента из своих мемуаров: «Описание военных действий отряда, находившегося под начальством генерала Винценгероде в 1812 году»³, и «Действия отряда генерал-майора Бенкендорфа в Голландии»⁴. В журнале текст был дан в

Портрет А. Х. Бенкендорфа.
Гравюра с портрета Ф. Крюгера

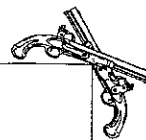

перевод с французского языка, и сам Глинка снабдил его предисловием. Вероятно, во второй половине 30-х годов, когда А. И. Михайловский-Данилевский готовил к изданию «Описание Отечественной войны», в числе других рукописей он сделал копию с той части «Записок», которые ранее опубликовал Ф. Глинка. Эта писарская копия сохранилась в фондах РГВИА, и текст записок был вторично опубликован В. И. Харкевичем в 1903 году в сборнике мемуаров и дневников участников Отечественной войны 1812 года⁵. Новейшее издание источника, осуществленное в 2001 году⁶, было сделано по публикации 1903 года и рукописи РГВИА. Вероятно, автор комментариев и не подозревал о существовании оригинала «Записок графа А. Х. Бенкендорфа». В 2002–2005 годах М. В. Сидоровой был опубликован ряд фрагментов из первого тома «Записок» с исчерпывающей характеристикой истории создания этого замечательного памятника⁷.

Записки включают описание военных действий на территории Германии, формирования легких отрядов и освобождения Берлина, вторжения в Саксонию и развертывания активных действий на территории Северной Германии, захвата корпусом маршала Даву Гамбурга, а также характеристику сложной дипломатической ситуации, предшествующей падению города. Не менее любопытны и страницы, относящиеся к рассказу об отдыхе боевых русских офицеров между боями и отношении немецкого населения к русским войскам. Весьма подробно сообщается о взаимодействии войск антинаполеоновской коалиции, совместных действиях прусской, шведской и русской армий в сражениях под Берлином, у Данневице и, наконец, о «битве народов» под Лейпцигом.

Ценность записок заключается, прежде всего, в том, что автор в описываемый период был отнюдь не простым свидетелем событий, а активным участником происходящего. Генерал-майор, командир отдельного летучего кавалерийского отряда, за плечами которого имелся огромный опыт кавалерийских рейдов и набеговых операций, умеющий быстро принимать ответственные решения и так же стремительно их выполнять. Словом, А. Х. Бенкендорф обладал всеми качествами настоящего кавалерийского военачальника. Будучи участником практически всех кампаний, начиная от первого столкновения с французскими войсками в 1805 году и до возвращения

Автограф
А.Х. Бенкендорфа

Mon long séjour parmi d'ingrands
Duc et moi-même plus, et tenez
l'écrit en son honneur, son honneur
dans la grande Duchesse, et
double l'écrit, ne pouvant pas
plaire à l'Empereur, Catharine, qui
cherchait à contredire jusqu'à
moindre chose de son fils; elle
avait alors représenté le duc
qui manifestait son peu d'aller
dans l'armée de Prusse, de
son la ordre du P. Potemkin, et
renvoyait, ^{de la cour,} quelques-uns après son
mère, qui s'était abîmée, la
dignité d'ingrand duc, en cherchant
à le ramener au sentiment de
tendresse pour son épouse, lorsque
son cœur, le portait au pied, de
Nelle Kalidof, devenue la sœur
petite de fille, après laide, mais
remplie d'un esprit simple et
enjoué. Nous allâmes attendre
à Dorpat la retour de mon père,
qui avait de la difficulté à
maintenir l'honneur de l'empereur
contre lui, en ayant voulu avec
distinction et obtenu malgré elle
la récompense par la promotion
et la promotion du P. Potemkin,
qui donnait du fond de la
Baltavie, gouverneur de Pologne,
mais, la cour de Pétersbourg.
Il fallut voyager hors de son
- en, pour être avec d'ingrand
non nous d'attention à Paris
en l'apprent de la grande
- après, le duc de Wittenberg
qui y était gouverneur
le duc de Prusse. Une bonne

Страница «Записок графа А.Х. Бенкендорфа»

в Россию в конце 1814 года, Бенкендорф выступил в роли меткого наблюдателя армейского быта как русской армии, так и других участников «антинаполеоновской» коалиции. Отсутствие языковых границ позволяет ему одинаково легко общаться с населением Германии и Нидерландов, в Англии — сопровождать Императора Александра I, а во Франции — входить в отношения с представителями практически всех слоев общества. Точность, меткость, умение отделить частное от общего, знание особенностей внешней и внутренней политики России в эту непростую эпоху, дружеские личные отношения с элитой как российской, так и войск коалиции — все это делает воспоминания А. Х. Бенкендорфа ценнейшим источником по истории России первой половины XIX века.

Текст публикуется по оригинальному переводу О. В. Маринина, с сохранением авторского деления на главы, главки и абзацы. Датировка событий в тексте оставлена без изменений⁸.

1813 год.⁹

Наша армия не имела возможности отдохнуть и безостановочно двигалась вперед, из-за чего потеряла много людей, которые не могли двигаться столь же стремительно. Численность войск сократилась до состояния неуккомплектованности, лошади были измучены. Необходимо было некоторое время для того, чтобы реорганизовать войска и подготовиться к новой кампании, которая должна была основываться на порядке и более суровой дисциплине — единственной возможности завоевать доверие жителей Германии.

Наша армия двигалась теперь очень медленно, и политика должна была прийти на помощь военным действиям.

Король Пруссии был раздражен капитуляцией войск генерала Йорка¹⁰, он отменил его приказ, и только решительная поддержка этого шага общественным мнением страны спасла генерала. Мало-помалу король стал сближаться с Императором, стремясь искупить позор поражения под Йеной, Пруссия начала готовить свои силы, собирать армию и начала подавать всей Германии достойный пример.

После Неаполитанского короля¹¹ командование французской армией перешло к вице-королю Италии¹², который продолжал отступление к Одеру.

Для преследования неприятеля адмирал Чичагов¹³ выделил из своего корпуса армию графа Воронцова¹⁴; счастливо освобожденный из плена казаками генерал Винценгероде¹⁵ собрал из легких

войск авангард нашей Главной армии; граф Витгенштейн¹⁶ собрал три небольших отряда с целью постоянно тревожить отход армии вице-короля. Командование этими отрядами было поручено генералу Чернышеву¹⁷, полковнику Теттенборну¹⁸ и мне.

Граф Воронцов со своей обычной энергией постоянно преследовал неприятеля, а генерал Винценгероде одержал легкую победу под Калишем над неприятельским отрядом под командованием генерала Ренье¹⁹.

Наша Главная армия заняла Калиш и начала осаду Торна и других польских крепостей; граф Сиверс взял Пилау; мы были на подступах к Данцигу. Генерал Чернышев переправился через Одер, за ним последовал полковник Теттенборн, под командой которого мой брат²⁰ под Вриценом атаковал батальон баварцев, которые были вынуждены сдаться в плен. Я сам, принудив к сдаче гарнизон крепости Кюстрин, частично по льду, частично на плотах, также пересек эту реку. Французская армия занимала позицию от Франкфурта-на-Одере, проходила через Фюрштенвальдт и Кёпник и заканчивалась около Берлина.

Чернышев и Теттенборн направились с целью угрожать гарнизону этой столицы, а я направился к Мюнцбергу. Там я оставил половину своих людей полковнику Сухтелену²¹, чтобы он овладел дорогой на Берлин, сам же я стремился захватить дорогу на Франкфурт, на следующую день мы встретились в Мюнцберге. У меня было всего 180 гусар, 150 драгун и 7—8 сотен казаков.

На некотором расстоянии от Мюнцберга мне доложили о появлении неприятеля, стоящего в боевом порядке на огромной равнине, количеством свыше тысячи всадников.

Я немедленно направил гусар занять позицию в засаде за небольшим лесочком и, сформировав из драгун резерв, приказал казакам атаковать по всему фронту. Казаки были быстро отброшены отборными частями, которые, преследуя их, оказались окружены, раздроблены или взяты в плен. Ослабленный этой потерей, неприятель продолжал защищаться только ружейным огнем, под угрозой надвигающейся потери всей кавалерии, посланной на помощь этим войскам.

Казаки вновь воодушевились, и в результате получасового сражения неприятель начал отступать силами полуэскадрона. Каждый маневр увеличивал беспорядок в его рядах и позволял казакам приблизиться. Наконец, гусары неожиданно обрушились на остатки неприятельских частей, и сражение было выиграно. Нам оставалось только преследовать врага. Было захвачено в плен 38 офицеров и

750 солдат, остальные были убиты. Казаки захватили богатую добычу в виде лошадей и обоза, наши потери составили 16 – 17 человек; больше убитыми, чем ранеными.

Оказалось, что этим войском был недавно сформированный 4-й итальянский конно-егерский полк, который только что прибыл из Италии и являлся единственной кавалерией, на которую могла рассчитывать французская армия. Те немногие, кому удалось спастись, были преследованы нами до пункта в нескольких верстах от Франкфурта. Сильная схватка произошла в Темпельберге, селении, принадлежавшем князю Гартембергу.²² Я знал, что эта деревня должна была сильно пострадать от беспорядков, сопровождающих кавалерийское столкновение. С целью избежать неблагоприятного для нас впечатления, которое эта новость должна была бы вызвать у министра, способного повлиять в данный момент на решения короля, к союзу с которым мы стремились, я распорядился срочно раздать крестьянам 60 захваченных лошадей. Это должно было с избытком покрыть понесенные ими убытки, и они осыпали нас благодарностями.

Ночью ко мне присоединился полковник Сухтелен, и я отправил своих пленных с большим конвоем на другую сторону Одера, посчитав, что окружен неприятелем. На следующий день я получил хорошую новость о том, что французы ушли из Франкфурта. Я поспешил направить офицера с 15 казаками сообщить это известие графу Воронцову, который приближался к этому городу по другую сторону реки.

Я сам двинулся всю ночь с тем, чтобы на заре оказаться перед Фюрстенвальде в тот самый момент, когда с другой стороны появится казачий полк, которому я приказал выполнить этот маневр. Барабанщик с несколькими людьми вошли в соседний с городом лесок и создали представление о нахождении там пехоты, а несколько обозных повозок, поставленных на возвышенностях, заставили противника думать, что это артиллерия. Я направил полковника Сухтелена к французскому коменданту, и тот любезно сдал нам город, который должен был защищать и который у меня не было ни малейших шансов взять силой. Он выступил из города с 2 тысячами человек итальянской гвардии, чтобы присоединиться к армии вице-короля в Кёспусе, и открыл тем самым позицию французской армии, в которой центром был Фюрстенвальде.

Вернувшись вечером с бала, который город дал в нашу честь, я нашел у себя французского офицера, который был задержан у наших аванпостов. Он направлялся к вице-королю с донесением о кавалерийском сражении, которое я дал третьего дня, и из которого

я узнал, что полк конных егерей насчитывал до 1 200 человек и что удалось спастись только полковнику, его адъютанту и 33 солдатам. Тот же офицер мне сообщил, что Франкфурт снова был занят теми же французскими войсками, которые его недавно освободили, и что мой офицер и 15 казаков, направленные туда, оказались там застигнуты врасплох в своих постелях.

Я был очень рассержен этим событием, вернул свободу французскому офицеру, попросив его потребовать у его генерала освободить моего офицера и предложить ему обмен казаков. Я лично сопровождал этого офицера, и на следующий день рано утром мы оказались перед Франкфуртом. Мой плененный офицер прибыл мне навстречу и привез очень любезное письмо французского генерала. Я потребовал от него сдать мне город, но он в качестве ответа показал моему посланцу 4 тысячи человек прекрасной пехоты.

Дав отдохнуть лошадям, я уехал и направился по большой дороге на Берлин. Я провел свое небольшое войско мимо стен города таким образом, что нас никто не потревожил, и остановился в Марцанс, по дороге к Врицену, откуда наладил связь с отрядами генерала Чернышева и полковника Теттенборна.

Жители города Берлина ждали нас с нетерпением и энтузиазмом. Французы же, которым угрожали жители и которых беспокоили наши части, обещали магистрату уйти из города при первых известиях о приближении какого-либо пехотного корпуса.

Извещенный об этом решении граф Виттенштейн срочно послал приказ князю Репнину, командующему его авангардом, ускоренно двигаться вперед, чтобы форсировать Одер.

Как только наша пехота начала переправу, французы приготовились выполнить свое обещание. От нашего бывшего посла господина Алопсуса я узнал радостную новость и получил просьбу, с целью избежать беспорядков, не входить в город до тех пор, пока прусский комендант не выйдет сам нам навстречу.

Наконец, в назначенный день нашим трем небольшим отрядам была оказана честь, каждому со своей стороны, войти в столицу Пруссии. Нас встречали как освободителей королевства — с радостью, единодушными и бурными приветственными возгласами. Трудно составить себе представление об этом вхождении в город, который стал настоящим триумфом нашего оружия и торжественной гарантией славы, которая вскоре покроет прусские знамена.

Этот день стал самой блестящей компенсацией трудностей и сражений, которые столь быстро привели нас от Москвы в центр

Германии. В течение 36 часов мы пользовались радушием и удовольствиями города, а затем вернулись к своему ремеслу преследователей: Теттенборн направился к Гамбургу, Чернышев — к Магдебургу, а я — к Дрездену.

*** **

Через несколько дней в Берлин вошел граф Виттенштейн, и началась осада Шпандау. Король Пруссии, наконец, определенно высказался против Наполеона, его войска и обозы присоединились к нашим, вся Пруссия с энтузиазмом выполняла волю своего Государя.

Основные силы противника начали отходить к Виттенбергу, я следовал за ним по пятам. Генерал Дибич²³, для которого также сформировали небольшой отряд, делал одно дело со мной; в Ютербоке мы вступили на саксонскую землю. Оказанный нам там прием совершенно отличался от того, который мы видели повсюду в Пруссии. При нашем приближении двери магазинов и лавок закрывались, потребовались небывалые усилия для того, чтобы успокоить жителей и убедить их, что мы не желаем им зла.

В доказательство я освободил саксонского полковника и несколько драгун, которых казаки захватили у наших аванпостов. Следует признать, что в Саксонии общественное мнение было настроено против французов куда меньше, чем в остальной Германии. Мудрое и заботливое правление короля привлекало всех на его сторону, а он еще не отступил от союза с Наполеоном. Его подданные не считали возможным, в отличие от пруссаков, влиять на решения правительства.

Командовавший нашим авангардом генерал Дибич уверил меня, что противник крепко стоит в Зехаузене, небольшой деревне неподалеку от Ютербока. Я поспешил присоединиться к нему со всеми своими людьми и окружить деревню. Оживленный артиллерийский огонь, направленный против нас, вынудил нас выставить вперед наши два орудия конной артиллерии с целью поджечь деревню, что нам вскоре удалось. Меньше чем через четверть часа противник, окруженный пламенем пожаров, был вынужден отвести свои пушки и защищать стены селения одной лишь ружейной пальбой. К концу дня мы сформировали три колонны: одну пехотную, составленную из казачьего полка Мельникова 4-го²⁴, вторую — из полка ямщиков Московской дороги²⁵ под командованием полковника Сухтелена, и третью — из 200 гусар и двух казачьих полков под руководством генерала Дибича. Атака была яростной, но неприятель, забаррикадившись все улицы, защищался настолько отчаянно, что я был вынужден скомандовать отступление. Генерал Дибич потерял много людей, полковник Сухтелен

был ранен, полковник Мельников тоже, много офицеров было убито или выведено из строя. В этот момент мне сообщили, что на выручку окруженным в деревне войскам спешит сильная колонна противника. Я собрал все, что у меня осталось, и вышел ей навстречу. Однако сила и хорошее состояние войск неприятеля заставили меня отступить и не позволили нам помешать их соединению с колонной, вышедшей из горящей деревни.

На следующий день генерал Дибич последовал за противником к Виттенбергу, а я направился, как мне было указано, к Дрездену.

В нескольких милях от этой столицы я встретил посланца саксонского правительства. Укрыв от него хвост своей колонны, я вручил ему письмо, которым извещал генерала Ренье, находящегося в городе с 3 или 4 тысячами солдат, чтобы он не обрекал город на разрушения бесполезным сопротивлением, поскольку я имею 6 тысяч солдат. Граф Даун умолял меня подождать до утра, обещая, что город будет эвакуирован. Свою малочисленность я замаскировал большим количеством бивачных огней. Жители города, опасаясь приступа, выступили в нашу пользу и, оскорбляя французов, единодушно потребовали, чтобы генерал Ренье срочно покинул город. Мне сообщили об этом горожане, которые пришли на наши аванпосты с досрочными поздравлениями. Когда в 6 часов утра я должен был получить окончательный ответ, в Дрезден пришло известие о подходе маршала Даву²⁶ с 15-тысячным корпусом. В 10 часов он вошел в город, перешел мост, дебушировал через Райштатт и атаковал меня. Думаю, что он был сильно удивлен, не найдя ни пехоты, ни пушек, чтобы его встретить, и без осложнений заставил меня освободить поле боя; я отошел к Кёнигсбрюку.

Ночью я получил приказ покинуть эти места и направиться к Хавельбергу, что на Эльбе. Я шел через Ютербок, где покинул свой отряд и выехал в Берлин, чтобы получить там новые приказы графа Виттенштейна и отдохнуть несколько дней.

Там я более тесно познакомился с нареченной моего брата мадемуазель Алопеус²⁷, а также принял участие в празднествах, которые берлинцы давали в честь наших войск и своего генерала Йорка.

№ 11.²⁸ 1813

Полковник Теттенборн вошел в освобожденный французами Гамбург, а мой брат — в Любек. Жители этих двух городов с радостным упоением встретили освободителей Германии и с республиканским жаром принялись вооружаться для защиты своей независимости.

Под командованием полковника Теттенборна были сформированы войска, названные Ганзеатическим легионом. Чернышев находился около Магдебурга и искал возможность перейти Эльбу.

Наша Главная армия выдвинулась к Дрездену, в который вскоре с триумфом вступил Император и король Пруссии. Сразу после этого король Саксонии разорвал союз с Наполеоном и стал под славные знамена, которые успехи нашего оружия расправляли над поверженной Германией.

В Берлине генерал Дернберг²⁹, известный своими действиями против угнетателей своей родины и своей отвагой, при поддержке общественного мнения добился возможности вернуться в Гессен с оружием в руках; ему дали 2-й егерский полк, батальон прусских фузилеров, четыре орудия конной артиллерии и мой отряд. С большим удовольствием я встал под его командование, и мы вышли из Берлина с тем, чтобы перейти в Хавельберг, где собирались войска и где нам было приказано переправиться через Эльбу. Теттенборн получил приказ двигаться на Бремен, отряды Чернышева и самого Дернберга должны были совместно пытаться проникнуть в Ганновер. Можно было надеяться, что три небольших летучих отряда заставили бы всю эту часть Германии в массовом порядке поднять знамя восстания.

Это предположение, основанное на наших легких успехах вплоть до настоящего времени, было слишком преждевременным. Действительно, от русской границы французская армия только и делала, что отступала, ее преследовали и беспокоили такие отряды, как наш. Но французская армия усилилась всеми резервами, которые Наполеон затребовал из Франции и из подчиненных ему стран, она больше не боялась нас и была далека от того, чтобы покорно отдавать территорию. Она готовилась вновь завоевать то, что только что потеряла.

Теттенборн не нашел в себе сил что-либо предпринять против Бремена, он счел более удобным никуда не двигаться из Гамбурга и продолжал наслаждаться достатком и всеми почестями, которые предлагал ему этот город. Он удовлетворился тем, что отправил моего брата с небольшим отрядом на бременскую дорогу, а нескольким казакам поручил найти способ войти в Люнебург с тем, чтобы побудить тамошних жителей к восстанию.

Напротив Хавельберга противник занимал небольшой городок Вербен. Мы скрыли свои приготовления к переправе на небольшой речке Хавель, впадающей в Эльбу рядом с Вербеном. Как только все было готово, один казачий полк ночью переправился на другой берег и без боя взял в плен 150 французов, которые были оставлены в этом

городе для наблюдения. Утром переправился весь наш отряд, а на следующий день за нами должен был последовать отряд Чернышева.

Ближе к вечеру наши аванпосты увидели неприятеля. Я вышел вперед, чтобы определить его численность, и, увидев многочисленные колонны пехоты, двигавшиеся непосредственно на Вербен, поспешил уведомить об этом генерала Дернберга, предложив ему оставить город, двинуться вдоль реки и вместе с лодками и обозом двигаться до места, где ночью было бы удобно пересечь реку. У нас не было времени сесть на лодки в Вербене и не было достаточных сил, чтобы отразить врага. Неприятель мало беспокоился сопротивлением, которое я пытался ему оказать с несколькими казаками, и направился прямо на Вербен, где захватил некоторое количество наших людей и обозных повозок, не успевших уйти из города. Я последовал за Дернбергом, и в двух милях ниже по течению мы все переправились на правый берег Эльбы. Наш отряд стал лагерем в Перлеберге, отряд Чернышева — в Дёмице.

Через два дня мы вновь перешли Эльбу в Фербице, а Чернышев — в Дёмице. Он двинулся к Ильцену, а мы — к Зальцведелю. Протогнавшись там несколько дней, мы направились к Люнебургу, который нашли занятым сильным неприятелем. На некотором расстоянии от города мы спрятали всех наших людей, оставив на виду лишь несколько казаков. Дернберг хотел атаковать город, но Чернышев, и особенно я, мы придерживались мнения, что атака невозможна ввиду сильной позиции Люнебурга, окруженного доброй стеной и располагавшего гарнизоном в 4 тысячи человек. Он мог быть атакован только через ворота, к которым можно было приблизиться, только пройдя по двум мостам. Наш спор был прекращен сообщением о том, что неприятель предпринял вылазку. Я приказал имевшимся у меня 200 гусарам двинуться по дороге, лежащей в овраге; за этими гусарами, состоявшими под командованием храброго полковника Бедряги³⁰, последовал один казачий полк; они ехали в полной тишине, не замеченные противником, который видел только нескольких казаков и забавлялся их преследованием. Дождавшись момента, когда, по моему мнению, моя маленькая колонна, двигавшаяся по ложбине, должна была обогнать хвост неприятельской колонны, вышедшей из города, я подаю сигнал, и в ту же минуту всё было опрокинуто. Две пушки, которые едва успели прицелиться, были захвачены, более 500 человек пехоты бросали оружие, а около ста человек кавалерии, находившиеся во главе колонны, были нами преследованы и частично взяты в плен до того, как они добрались до городских мостов.

Дождавшись этого момента, генерал Дернберг двинул вперед весь свой отряд; поручив генералу Чернышеву атаковать левые ворота города, он сам с пехотой и двумя полевыми пушками бросился к другим воротам, которые только что открылись, чтобы пропустить бегущих французов.

Небольшая партия пехоты пыталась проникнуть в город через ворота, атакованные генералом Чернышевым; два орудия конной артиллерии также действовали против этих ворот, и огнем в упор отвечали на неприятельский обстрел. Не ожидавший столь стремительной атаки противник вскоре уступил, и наша пехота, кавалерия, артиллерия и казаки, перемешавшись, ворвались в Люнебург. Бой продолжался за каждую улицу; отдельные отряды французов, укрепившись в домах и церквях, вели оттуда смертоносный огонь. Царил полный беспорядок, вся наша пехота была распылена, генерал Дернберг, под которым была убита лошадь, получил контузию и не мог больше сесть в седло. Командир 2-го егерского полка подполковник Эссен³¹ был ранен, молодой и храбрый граф Пушкин, командовавший остальными егерями, умер от ран. Прусский майор не мог совладать с пылкостью своих соотечественников, которые, соревнуясь в храбрости с нашей пехотой, со всех сторон отважно преследовали неприятеля, еще не прекратившего сопротивления. На главной площади войска остановились, чтобы разграбить готовившиеся к бегству обозы. Только с большим трудом нам с Чернышевым удалось собрать наших гусар, драгун Финляндского полка и казаков для того, чтобы преследовать французскую колонну, вышедшую из города с другой стороны.

Тем временем отважный генерал Моран³², который командовал французами, увидел наши слабые силы, остановился, повернул назад с оружием в руках и под бой барабанов ускоренным шагом направился к воротам, через которые он только что вышел из города. Наша слабая кавалерия была не в состоянии помешать этому продвижению. Чернышев стал искать пути отступления так, чтобы не проходить через город, а я бросился в Люнебург для того, чтобы попытаться собрать наших людей, половина из которых были ранены, а также спасти наши пушки, оставшиеся на городских улицах вследствие гибели своих упряжных лошадей. Прусский майор помогал мне с необыкновенным усердием, однако, все его усилия оказались напрасны. Наша распыленная по городу кавалерия искала пути спасения, а неприятельская колонна уже победоносно вернулась в Люнебург. Молодой артиллерийский офицер Врангель³³, который не мог спасти одно из своих орудий, чья колесная ось сломалась, зарядил его картечью и произвел выстрел, который оказался таким удачным, что свалил генерала Морана. Не-

приятельская колонна остановилась, некоторые наши егеря с храбрым прусским майором закричали «ура!», в ответ на это противник стал махать белыми платками в знак сдачи.

Вот таким образом, благодаря «генералу Случаю», от которого на войне очень многое зависит, мы остались хозяевами Люнебурга и захватили 12 артиллерийских орудий, два знамени и 3 500 пленных.

Необходимость всегда быть настороже против неприятеля, который мог прийти из Магдебурга, занятого, как мы знали, сильным корпусом маршала Даву, заставила нас выставить один казачий полк для наблюдения за дорогами в Даннерберг и Ильцен. Ночью нам сообщили, что весь неприятельский корпус прибыл в Даннерберг. Двигаясь вдоль Эльбы, он мог, таким образом, отрезать нам пути к отступлению. Не теряя ни минуты, мы направили пленных и пушки под прикрытием прямо к переправе в Бойценбурге, куда мы вызвали наши транспортные суда, а на следующее утро мы сами последовали за ними со всем своим отрядом. Чернышев принял на себя обеспечение перехода войск и посадку их на суда, я же с двумя казачьими полками вышел навстречу неприятелю, чтобы прикрыть переправу.

Получив известие о деле под Люнебургом и ничего не поняв из него, маршал Даву прервал свое движение, и мы спокойно осуществили переправу. Войска стали лагерем в окрестностях Бойценбурга, я воспользовался случаем, чтобы посетить Гамбург, где мы с Теттенборном приятно провели 36 часов. Маршал Даву прошел только Люнебург для того, чтобы двинуться на Бремен. Мы снова сели на плоты и в третий раз пересекли Эльбу.

С правой стороны мы установили связь с моим братом, которого Теттенборн во главе нескольких сот казаков направил на дорогу между Гамбургом и Бременом, с левой стороны — с отрядом Чернышева, который двигался в сторону Хальберштадта.

Мы продвинулись вплоть до города Целле, который, как мы знали, благодаря усиленной рекогносцировке, был слишком мощно укреплен для того, чтобы предпринять его штурм. Мы удовлетворились наблюдением за гарнизоном и высылкой партий для разведывания прилегающей местности.

Тем временем наши войска уже не продвигались с той скоростью и успехом, как это было во время отступления французской армии. Император готовился двинуться навстречу Наполеону, который собрал новую огромную армию для продолжения борьбы. Для руководства действиями трех наших отрядов был прислан генерал Вальмоден³⁴. Я заболел и отправился в Гамбург для того, чтобы поправить свое здоровье.

Через несколько дней генерал Дернберг вступил в Целле, на время оставленный неприятелем, но в тот же день был вынужден покинуть город, вновь занятый французами, прогнавшими наши аванпосты, которые отступили, смешавшись с неприятелем, и потеряли много людей. Чернышев провел блестящее сражение у Хальберштадта, но оба отряда под нажимом превосходящих сил противника были вынуждены вскоре переправиться на правый берег Эльбы и прекратить свои операции.

Генерал Вальмоден не предпринял ничего, даже не заставил себе подчиняться Теттенборн не спешил исполнять его приказы, Чернышев ушел со всем своим отрядом и присоединился к графу Воронцову. Я был болен, Дернберг попросил дать ему другое задание. Было невозможно собрать под одним командованием летучие отряды, подобные нашим. Они были полезны и могли воспользоваться обстоятельствами только благодаря своей мобильности, которая, естественно, терялась при исполнении плана, разработанного вдалеке. Эта маленькая война теряла весь свой смысл, как только противник перешел в наступление и двинулся вперед крупными массами, и когда главные силы, определяющие судьбу Европы, возобновили борьбу в том месте, где Наполеон должен был встретиться с Александром.

*** **

Фельдмаршал Кутузов умер, приведя наши победоносные войска с берегов Москвы-реки на берега Эльбы. Но эти войска были слабыми, и наступали, по-прежнему не получая пополнений. Все, что составляло силы России, собранные под начальством Императора, не превышало 40 тысяч человек, можно сказать, что это были только кадры армии. Пруссия, несмотря на свои усилия, не могла еще собрать значительные силы; Саксония только заявила о своем нейтралитете; Австрия вооружилась, но не объявила, на чьей она стороне, и приготовилась играть посредническую роль. Вся остальная Германия высказывалась в нашу пользу, но, испуганная огромными приготовлениями Наполеона, либо дала ему своих солдат, либо осталась робким зрителем того действия, от которого зависело освобождение от сковывающих ее цепей. Швеция только начала перебрасывать свои войска на театр ее бывших побед. Во главе этой армии на берег высадился великий генерал³⁵, человек, преисполненный той прекрасной ролью, которую ему предстояло сыграть. Наполеон уже продвинулся к центру Германии, он вел за собой Италию, Голландию и огромное количество французов, чья национальная гордость требовала отомстить за обиду, нанесенную им в России.

Два императора встретились под Лютценом, на равнине, которая была известна смертью одного героя (шведского короля Густава-Адольфа в 1632 году. — *Ред.*). Сражение не носило решающего характера, с нашей стороны были сделаны ошибки, остались неиспользованными резервы, способные принести нам победу. Самая большая ошибка заключалась в том, что на следующий день не сочли возможным возобновить бой, и был отдан приказ об отступлении. В последний раз Наполеон снова казался более великим, чем когда-либо. Как победитель он вошел в Дрезден, а затем двинулся к Бауцену, заставив нашу армию отступить.

Стало очевидно, что было ошибкой так скоро принять сражение. Каждый шаг, завоеванный Наполеоном, увеличивал его могущество, приучал к бою его новые пополнения и уменьшал мужество испуганной Германии.

Австрия предложила свое посредничество, и стороны сочли за счастье заключить перемирие. Были размечены демаркационные линии, и в этой позиции наша армия получила свои подкрепления, прусская армия увеличилась за счет новобранцев и волонтеров со всего королевства. Австрия, приготовившись к войне, решила присоединиться к силам, воюющим против общего врага. Бавария примкнула к коалиции, сформировав свою армию в тылу Наполеона, шведы прибыли в Померанию, а победы Веллингтона в Испании приблизили опасности войны к границам Франции.

Успех сражения при Лютцене сделал возможным выдвижение французских войск из Бремена, оттуда они двинулись к Гамбургу. Мой брат, поставленный на дороге в этот город, был слишком слаб для того, чтобы сопротивляться; храбро сражаясь в течение целого дня, он покинул левый берег Эльбы и вернулся в Гамбург. Неприятель овладел Харбургом и несколькими днями позже захватил военные суда, которые должны были защищать реку.

Теттенборн по небрежности не позаботился о средствах защиты; если бы он имел [что было очень легко сделать] хотя бы два десятка речных канонерских лодок, то он остался бы хозяином течения реки. А если бы на острове Вильгельмсбург был оставлен не пост в виде авангарда (как было в действительности. — *Ред.*), а было сооружено хорошее укрепление напротив Гроссер-Грасброка, то французы, может быть, и не решились бы его атаковать. Имея господствующее положение на реке, они смогли легко высадиться ночью на остров Вильгельмсбург, выгнать оттуда слабый Ганзеатический легион, который его защищал, и обосноваться там на расстоянии малого пушечного выстрела от укреплений Гамбурга.

Эта операция произошла ночью, весь город был разбужен по тревоге, горожане схватили оружие, женщины, захватив детей и имущество, стали убегать в направлении Альтона. Население намеревалось защищать свой город. Гамбургцы слишком открыто выступали против французов, чтобы надеяться на их благородное прощение; они получили английские ружья, были готовы их раздать и сражаться каждый на своем месте. Немногочисленные русские войска под командой Теттенборна, состоявшие из одной только конницы, не могли ничего сделать для защиты города. Гамбург был предоставлен тогда собственным силам. Из всей регулярной пехоты там имелся только слабый Мекленбургский батальон, присланный герцогом Шверинским в качестве свидетельства своего присоединения к общему делу. В Альтоне и его окрестностях располагались значительные военные силы датских войск, которые надо было постараться привлечь к обороне Гамбурга. Дело это представлялось весьма затруднительным.

Дания лишилась одной из лучших своих провинций, поэтому она предпочла союз с Францией союзу с Россией. С другой стороны, коалиция против Наполеона показалась датчанам настолько сильной, что они, испугавшись потерять все, выступили против нее. В случае победоносного окончания войны Франция могла обещать Дании оплатить ее услуги либо тем же Гамбургом, либо Мекленбургом, так как они оба выступали против нее (Дании). Мы же могли дать только смутные обещания, не имея средств их выполнить. Если война заканчивалась в нашу пользу, Ганновер пришлось бы возвратить королю Англии, и не представлялось возможным ни пренебречь обещанием, данным Швеции, ни лишить храбрых гамбургцев их независимости, ни раздробить Мекленбург, который присоединился к нашему оружию. Таким образом, было очень трудно заставить датского генерала поверить в то, что интересы его двора требуют на поле боя защитить Гамбург. Тем не менее, нам с Теттенборном это удалось, и впервые датские батальоны, застоявшиеся за время 40-летнего мира, пришли в движение, чтобы сразиться с французами.

Не имея более дся в Гамбурге и будучи старше Теттенборна (по дате производства в чин генерал-майора. — *Ред.*), я направился в качестве волонтера к моему брату, которому была доверена оборона водной переправы. Мы прибыли слишком поздно, этот важный пост уже был захвачен. Французы наступали повсюду, и в тот же день они стали бы хозяевами города, если бы неожиданное вмешательство датских войск не остановило их движения. Рассчитывая ранее на сотрудничество датчан и нежданно увидев их перед собой, французский генерал прервал свою атаку и даже освободил захваченные им позиции.

В то же время, мы больше не могли рассчитывать на помощь датского корпуса, во всяком случае, до возвращения курьера, посланного в Копенгаген. Мы очень хорошо знали, что король не даст себя одаурить красивыми словами, как это случилось с его генералом. Без промедления нами было отправлено послание наиболее близко находящемуся от Гамбурга шведскому генералу с просьбой прибыть в город, не дожидаясь соответствующего приказа кронпринца, который еще не высадился в Штральзунде. Этот генерал прибыл ускоренным маршем. Теперь Гамбург мог быть спасен. Это было бы невероятным чудом, если бы этот город спасло сотрудничество датчан и шведов, которые втихомолку уже вели между собой войну, а через несколько недель должны были открыто сразиться на поле боя. Как только датского короля проинформировали о происходящих событиях, он немедленно приказал своим войскам отойти от Гамбурга и сохранять строгий нейтралитет. Кронпринц шведский, разгневанный тем, что без его приказа часть войск была подставлена под удар, вернул их на исходные позиции и отдал под суд генерала, предпринявшего эти действия.

Не имея никакой возможности быть полезным в Гамбурге и очень плохо себя чувствуя, я вернулся в Шверин со своим братом, который тоже серьезно заболел.

Вскоре после этих событий датчане, проявив добрую волю, благовоременно попросили генерала Теттенборна отвести его войска. Датчане вошли в Гамбург и заняли его. Надо отдать им справедливость в том, что они пытались, насколько возможно, защитить город от мести французов, которые засели в нем настолько прочно, что бывший там командующим маршал Даву оставался там до конца войны, покинув Гамбург только в 1814 году после получения от короля Людовика XVIII приказа отступить.

После подписания перемирия военные действия под Гамбургом были приостановлены, и у меня появилась возможность отправиться для поправки своего здоровья на берега Балтийского моря в Доберан в Мекленбурге.

*** * * * *

Некоторые из моих товарищей-офицеров последовали за мной, нас считывалось более 12, и все мы были решительно настроены поразвлечься. Врачи выписали нам рецепты, и мы начали свой «скрипичный концерт». Добропорядочные немцы посчитали наши похождения несколько шумными, но не осмелились ничего возразить.

Две красивые молодые девицы по фамилии Блюхер прибыли на ярмарку в Росток, вскоре состоялось наше знакомство, я сдал им несколько комнат в занимаемом мною доме в Доберане, где их постоянно сопровождал их дядя. Это, впрочем, не помешало одной из них влюбиться в моего офицера, вторая же решила принять мои ухаживания. В сопровождении своего доброго дяди они провели в нашем обществе 36 часов. Мы отправились с ними в Росток, где могли наедине видеться с нашими прекрасными дамами и с большей легкостью обманывать дядю и общественное мнение. Но эта нежная связь не могла продолжаться долго. Девицы Блюхер вернулись в свой замок. Впоследствии мой офицер женился на одной из них, я же был покинут моей дамой, и затем получал от нее чувствительные письма.

Мы свели знакомство с пансионом молодых девиц, которым надо было давать балы, ужины и завтраки, хозяйка пансиона так любила развлекаться, что потом не могла ни в чем отказать «этим храбрым русским», которые прибыли столь издалека, чтобы освободить Германию. Каждый из нас выбрал себе девушку; они были чувствительны и добры, как все немецкие девушки. Хозяйка пансиона говорила, что не надо их слишком стеснять, так как из этого может получиться хорошая свадьба.

Случались и более серьезные вещи, прибыли госпожа графиня Бассевиц и госпожа Меллер, обе милые и красивые, в сопровождении и под наблюдением неприятных мужей. Я направил свои взоры к госпоже Меллер. Предпринятое мною ухаживание, которое в конце концов было благосклонно принято, настолько заняло мое внимание, что я полностью забыл свои ревматические боли.

Это была пора, когда каждый день игрались новые партии, совершались прогулки, назначались свидания в садах, в лесу, давались балы, и у мужей появлялись поводы для ревнивых придирок. Но время шло, период отдыха приближался к концу, как и срок перемирия. Приехал граф Воронцов и предложил мне место в своем корпусе. Надо было задуматься об отъезде из Доберана и о том, как заплатить свои долги; это последнее было самым трудным. Тем, что отравило нам приятность тамошнего времяпрепровождения, была злосчастная дуэль между одним из моих офицеров и молодым господином де Сталь, сыном знаменитой мадам де Сталь, адъютантом кронпринца шведского, который тоже был среди нашего окружения. Он был убит ударом сабли, что доставило нам настоящее огорчение и представлялось еще большим несчастьем потому, что именно в этот момент шведские войска присоединились к нашим. Шведский кронпринц благородно простил

того, кто бился с бедным де Сталь, и его секунданта. Наши сожаления об этом молодом человеке развеяли то скверное впечатление, которое эта дуэль произвела среди шведских офицеров.

Я занял свое место при графе Воронцове, чей корпус входил в состав войск генерала Винценгероде — главнокомандующего русскими войсками, подчиненными кронпринцу шведскому. Наша Главная квартира находилась в Бранденбурге, недалеко от Берлина, прусский корпус под командованием генерала Бюлова³⁶ насчитывал 30 тысяч человек, составляя вместе с нами и почти 20 тысячами шведов армию кронпринца шведского Бернадотта, общая численность которой достигала 80 тысяч человек.

Главная армия, находившаяся под личным командованием Императора и усиленная австрийскими войсками, состояла из русской и прусской гвардии и корпуса генерала Витгенштейна. Благодаря искусной политике Императора, командующим этой армией был назначен князь Шварценберг³⁷ — австрийский фельдмаршал, что удовлетворило притязания Венского кабинета.

В состав третьей армии, собранной под командованием маршала Блюхера³⁸, входили русские корпуса Сакена³⁹ и Ланжерона⁴⁰ и прусские корпуса Йорка и Клейста⁴¹. Таким образом, новый этап борьбы происходил под покровительством наших знамен, руководимых талантом и могуществом Императора Александра. Как всегда его политика отличалась умеренностью, он собрал армии Европы под командованием прусских и австрийских генералов и шведского кронпринца. Все мелкие честолюбия были удовлетворены. Мы же в деле восстановления европейской независимости положили на чашу весов только наше мужество и старание.

Все то, что уничтожило самую громадную армию, которую объединенная Европа смогла предоставить Наполеону, все то, что возродило германскую честь и открыло дорогу к счастью, все то, что было сильным от ощущения своего могущества и великим от совершенных подвигов, все это щадило слабость и уважало несчастья поработенных наций. Умеренность Императора Александра принесла ему славу, она позволила ему объединить собранных под его командованием солдат Европы и сердца народов.

*** **

Срок перемирия истек, все армии пришли в движение. Начало кампании не принесло успеха нашей главной армии, при которой находились императоры России и Австрии, король Пруссии и знаменитый

генерал Моро⁴², который по приглашению Императора Александра вернулся из Америки, чтобы своим талантом и прекрасной репутацией помочь союзным государям. Было решено покончить дело разом и разбить Наполеона, который засел в Дрездене. Армия генерала Блюхера на правом берегу Эльбы и армия государей на левом атаковали французскую армию. Нападение⁴³ было отражено с большими потерями для нас, 14 тысяч австрийцев побросали оружие, генералу Блюхеру пришлось отступить, а главной армии — искать оборонительную позицию в Богемских горах. Самой значительной потерей этой операции стала смерть замечательного генерала Моро, когда неприятельское ядро разорвалось рядом с Императором Александром. Он испустил дух как герой, о нем сожалели не только во всей Европе, но даже во французской армии.

Пока под Дрезденом происходили все эти события, наш корпус маневрировал с целью спутать планы маршала Макдональда, который с армией из 70 тысяч человек противостоял кронпринцу шведскому. После нашей неудачи под Лютценом саксонская армия снова перешла на сторону противника и составила часть армии Макдональда. Все были совершенно уверены в том, что французский генерал имел определенный приказ Наполеона — во что бы то ни стало захватить город Берлин. Вследствие этого мы двинулись, чтобы занять позицию перед этой столицей. Корпус генерала Бюлова прибыл со своей стороны, и корпус генерала Тауэнцина, который, образуя авангард, отступил с боем, также присоединился к нам.

Армия заняла позицию в полутора милях перед Берлином, русские находились на правом крыле, на некотором расстоянии от городка Тельтов; почти вся кавалерия корпуса, построенная в две линии, образовывала крайний правый фланг, на нашу пехоту опирались шведы, составлявшие центр, прусский корпус располагался на левом крыле. С этой позиции открывался вид на колокольни Берлина, что должно было вдохновить противника, а пруссакам вернуть их исконную храбрость.

Около двух часов пополудни французы стремительно атаковали наш правый фланг. Войска под командованием генерала Тауэнцина уступили численному превосходству неприятеля; войска генерала Бюлова ускоренным маршем пришли на помощь своим товарищам, но повторяющиеся атаки французов также вынудили их отойти назад после ожесточенного боя.

Кронпринц шведский направил на подкрепление пруссаков часть шведской пехоты и несколько батарей конной артиллерии. Наше крыло не было задействовано, я находился в свите кронпринца, который с возвышения мог наблюдать за всеми действиями про-

тивника. Я стал свидетелем очень красивого ответа, который он дал адъютанту генерала Бюлова, сообщившего ему о том, что пруссаки сражаются и отступают.

«Передайте Вашему генералу, — сказал Бернадотт, — что, если он отступит хоть на один шаг, я разжалую его в солдаты. Пусть он помнит, что сегодня пруссаки должны защитить свою столицу, своих жен и свою честь».

Этот энергичный ответ произвел свое действие, генерал Бюлов перешел в атаку, мужество пруссаков удвоилось, они обрушились на колонны противника с таким ожесточением, которому ничего не могло противостоять. Схватка достигла наивысшего напряжения, и к концу дня французы, в свою очередь, были вынуждены уступить, оставив поле боя, покрытое телами погибших.

Берлин был спасен, слава этого дня принадлежала пруссакам. В сражении приняло участие небольшое количество шведов, и, за исключением нескольких артиллеристов, никто из русских не сражался. Это важное по своим результатам сражение получило название «битвы при Гроос Беерене»⁴⁴, по названию деревни, расположенной в границах нашей позиции.

При открытии этой кампании мне под командование дали Павлоградский гусарский полк, Вольнский уланский полк и батарею (роту — Ред) конной артиллерии. На следующий день после сражения при Гроос Беерене мой отряд усилили еще три казачьих полка, и я получил приказ преследовать неприятеля.

Маршал Макдональд отступал по нескольким дорогам к Ютербоку. На каждом шагу мы встречали повозки с военным снаряжением, брошенных раненых; мы захватили большое количество мародеров, которые после вчерашнего поражения разбрелись по соседним деревням. Около Треббина я повстречал часть неприятельской армии, которая, стремясь обойти простирившиеся до этого города болота, медленно шла по поперечным дорогам и отдыхала у небольшой деревни Людерсдорф. Местность была настолько заболоченной, что было невозможно предпринять что-то серьезное, мы обменялись пушечными выстрелами, и французы несколькими колоннами продолжали свое движение к Луккенвальде.

Я преследовал их арьергард, который умелыми действиями не позволял мне себя атаковать.

Подойдя к Ютербоку и не обнаружив там основных сил французской армии, а также приняв в расчет открытую местность, на которой я мог не опасаться каких-либо неожиданностей, я принял решение

атаковать аррьергард, который поспешил укрыться в этом городе. В этот момент с двумя полками егерей прибыл граф Орурк⁴⁵. Он одобрил мой план и придал мне 14-й егерский полк. Я послал часть конницы обойти город на нашем правом фланге и, поставив егерей в голове колонны, двинул за ними остальную кавалерию, чтобы штурмовать ворота Ютербока. Наша пехота сильным натиском опрокинула неприятельских стрелков, рассыпанных в предместьях, пробилась через ворота и после получасового боя захватила город.

Я преследовал неприятеля во главе кавалерии. Несколько французских эскадронов прикрывали отступление своей пехоты, они были атакованы двумя эскадронами из Волынского уланского полка и обращены в бегство. Обойдя город, наша кавалерия оказалась в тылу неприятельских войск. Увидев, что дорога к отступлению отрезана, враг больше не заботился ни о чем, как только найти путь к бегству, и бросился в находившийся в стороне соседний лес. Приближалась ночь. Появившиеся слева от нас огни и доклады наших патрулей известили нас о прибытии основных сил армии Макдональда, которые следовали не по большой дороге.

Граф Орурк приказал мне отступить, оставив в городе только один полк егерей в качестве авангарда. Остальная часть нашего отряда расположилась бивуаком на выходе из Ютербока.

Это незначительное дело нам стоило не более 20 человек, тогда как в наши руки попало около 300 пленных. На следующий день все силы неприятеля пришли в движение, он направился прямо на Ютербок. Батальон егерей получил приказ уйти из города, и мы приготовились к сражению.

Вскоре вражеские стрелки выдвинулись в город, их количество заставляло наших стрелков отойти. Разгорелась артиллерийская канонада, но в течение почти целого часа неприятельские колонны не решались двинуться на нас.

Ввиду подавляющего превосходства французов граф Орурк приказал отступать, сам он с пехотой отошел к местечку Цинна⁴⁶, приказав мне прикрыть его движение и встать с кавалерией на его правом фланге возле деревни Клаусдорф.

Неприятель преследовал нас очень слабо, и к концу дня мы отбросили его аванпосты, расположив наши на виду Ютербока. Этот город находился на правом крыле армии Макдональда, стоявшей на красивой равнине, отделенной от границы наших аванпостов только небольшим оврагом, прорезанным ручьем. На следующий день обе стороны остались на прежних позициях, к вечеру прибыл граф

Воронцов для того, чтобы принять командование нашим отрядом. Он тотчас приказал идти на врага; его аванпосты были опрокинуты, наши солдаты дошли до ворот Ютербока. С наступлением ночи бой был прекращен.

На рассвете французы оставили этот город и потянулись к Виттенбергу. Мы преследовали их параллельным движением справа. Около деревни Марцанна неприятель занял позицию. Кронпринц шведский выдвинул к тому же месту весь корпус генерала Винценгероде.

Последний с частью кавалерии провел рекогносцировку, во время которой было сделано несколько пушечных выстрелов. После полудня неприятель захватил высоту, с которой мог угрожать нашему лагерю, так как мы и не помышляли о том, чтобы занять эту позицию.

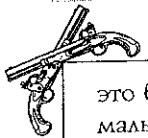
Меня послали выбить неприятеля. Эта задача могла оказаться трудной, если бы он решил стоять твердо. Но противник, может быть, опасаясь всеобщего столкновения, уступил мне местность, и я поставил свои пушки и кавалерию на расстоянии ружейного выстрела от их позиций. Нам это обошлось в несколько убитых лошадей.

На следующий день была задумана совместная атака с генералом Бюловым, который должен был дебушировать на нашем левом фланге, оконечность которого составлял я со своим отрядом. Весь наш корпус построился в атакующий боевой порядок, генерал Винценгероде ждал начала движения пруссаков, а те, вероятно, ожидали, когда приступим к делу мы. Так как я был лицом к лицу с неприятелем, то мне было приказано стрелять из пушек в надежде, что этот шум послужит Бюлову сигналом к наступлению. Но он не понял этого, а я остался в дураках, ибо получил столь горячий отпор от столь превосходящей и столь хорошо направленной артиллерии, что я был рад прекратить пальбу, вызвав тем самым прекращение огня со стороны неприятеля, после того как совершенно бесцельно у нас было перебито много людей. Противник не был расположен сражаться в этой позиции, а мы ещё менее стремились его атаковать.

На следующий день французы спокойно проследовали к Виттенбергу, где, под защитой пушек крепости стоящего в ней гарнизона, заняли заранее подготовленный укрепленный лагерь.

Граф Воронцов снова получил приказ следовать за неприятелем. После боя, проведенного сторонами для успокоения совести, французская армия безмятежно осталась стоять на своей прекрасной позиции, а мы безмятежно остались за ней наблюдать.

На третий день мы увидели, что все неприятельские войска встали под ружье и проходят парадным маршем. Вскоре мы узнали, что

это было по случаю смены командующего; Наполеон, недовольный малыми успехами Макдональда, послал ему на смену маршала Нея ⁴⁷ с приказанием идти на Берлин.

К вечеру следующего дня неприятель начал движение, выбирая дороги, ведущие на Зайду и Торгау, распространяя слухи, что там они перейдут по мосту Эльбу. Граф Воронцов неотступно следовал за вражеским арьергардом, но ночью мы потеряли направление его движения.

Кронпринц Швеции, сумевший, как опытный военачальник, разгадать намерения маршала Нея, двинулся к Ютербоку и сконцентрировал там все свои силы.

Я единственный остался с тремя казачьими полками на дороге в Зайду; у меня не было сомнений в том, куда направляется французская армия, и я хотел ускорить свой марш, чтобы находиться у нее в тылу в тот момент, когда она будет сражаться со всеми нашими силами. Это движение обещало принести очень большую пользу.

Я сделал такое предложение генералу Винценгероде, но, к несчастью, он недвусмысленно приказал мне изменить направление и присоединиться к нему. Мы находились более чем в трех милях от Ютербока, было уже далеко за полдень, и мы прибыли на место только к концу сражения.

№ 12

Генерал Тауэнцин, возглавлявший авангард прусского корпуса, был живо оттеснен к Ютербоку, понеся значительные потери. Там его поддерживали все войска генерала Бюлова; бой продолжался с ожесточением, делавшем столько же чести неудержимому натиску, сколько и храбрости пруссаков. Последние между тем были задавлены численным превосходством и начали отходить, оставляя поле боя, покрытое телами своих убитых солдат. Французы, уже считавшие себя победителями, продвигались вперед в полном беспорядке, их пехотные колонны смешались с кавалерией и артиллерией, даже обозы приблизились к войскам и увеличили неразбериху в рядах победителей.

В это время появились колонны шведов и корпуса Винценгероде. Кронпринц лично возглавил конную артиллерию, а также шведскую и русскую кавалерию. Он начал атаку несколькими пушками (конной артиллерии. — *Ред.*), которые галопом приблизились к неприятелю на расстояние половины картежного выстрела.

Вся кавалерия с редким бесстрашием последовала за этим движением, французы начали отступать по всем пунктам, давая друг друга, что закончилось всеобщим бегством. Вырученные пруссаки рвались вперед

стем большим остервенением, столь велико было их стремление отомстить за огромные потери. Неприятель пришел в такое расстройство, что нашей кавалерии оставалось только преследовать и рубить его.

Барон Пален ⁴⁸ во главе нескольких полков гнался за беглецами почти до самых стен Торгау. Слабые остатки армии маршала Нея сумели ускользнуть, укрывшись в беспорядке в крепости. Остальные неприятельские войска рассеялись по разным дорогам, где были истреблены или взяты в плен.

На следующий после битвы день мы стали обладателями 120 пушек, всей военной амуниции, огромного количества обозных лошадей и всевозможных припасов, которые противник возил с собой, а также более 20 тысяч пленных. Из 70 тысяч человек, составлявших накануне армию маршала Нея, никто, кроме разрозненных беглецов, не ушел от преследования наших войск. Вся эта армия была уничтожена. Берлин был спасен, а слава шведского кронпринца украсилась новыми лаврами.

Несчастья Наполеона не закончились этим поражением. С одной стороны, на равнинах Саксонии незнающий усталости генерал Блюхер принудил к отступлению большую часть его армии, в тот момент, когда бесстрашный граф Остерман ⁴⁹ во главе русских гвардейцев разбил в Богемских горах ⁵⁰ корпус маршала Виктора ⁵¹.

После победы под Дрезденом Наполеон, с одной стороны, успокоил армию маршала Блюхера, а с другой — преследовал армию Государей, отступавшую на Тейлиц.

Разбитый в то же время кронпринцем шведским, Блюхером и графом Остерманом, потеряв много людей и пушек, Наполеон решил на отступление.

Он сделал большую ошибку, не желая отдавать ни одно из захваченных им мест. Он оставил сильные гарнизоны в Дрездене, в Торгау и в Виттенберге, ослабив тем самым свою армию. Раньше она уже уменьшилась из-за гарнизонов в Данциге, в Кюстрине и в Глогау, которые не имели никакой связи с французской армией и были как бы брошены заранее. Продолжая эту линию, он оставил многочисленный гарнизон в Магдебурге и весь корпус маршала Даву в Гамбурге.

Главным для Наполеона было разбить коалиционную армию Государей, заставить ее отступить; после этого все крепости снова стали бы его легкой добычей.

Но он боялся, что, отдав что-то, он проиграет в общественном мнении, это убеждение лишило его плодов всех побед. Он казался нерешительным в выборе направления, в котором ему следовало

идти. Он совершил несколько маршей и контрмаршей, может быть, для того, чтобы скрыть свои настоящие намерения. Поражение Ней и полный разгром корпуса Виктора (Вандамма. — *Ред.*) сильно осложнили его положение.

Наши армии увеличили свою численность и удвоили свои силы за счет высокого боевого духа, появившегося у солдат в результате этих трех счастливых сражений.

Генерал Беннитсен⁵² прибыл со значительным военным корпусом, за ним следовал граф Толстой⁵³ с частью ополчения. Он должен был наблюдать за оставшимися в Дрездене и Торгау неприятелем, генерал Тауэнцин⁵⁴ — осаждать Витгенберг. Вальмоден с незначительной частью русских войск, Ганзеатическим легионом, Мекленбургскими войсками и Русско-немецким легионом имел задачу сковывать неприятельские силы, которые под командованием маршала Даву занимали Гамбург. Для обложения Магдебурга не хватало людей, и сама осада велась крайне слабо частью прусских полков. Император и Блюхер старались понять замыслы Наполеона, они постоянно беспокоили его армию. Намерением Императора было собрать все союзные армии и заставить Наполеона принять генеральное сражение.

Кронпринц шведский после своей прекрасной победы при Ютербоке, названной сражением под Денневицем (по имени деревни, у которой решился исход битвы), направил свою армию к Цербсту и Дессау. Все наши войска занимали весьма удобное лагерное расположение. Граф Воронцов, командующий авангардом войск генерала Винценгероде, приказал мне построить в Акене мост через Эльбу и укрепить город с окрестностями таким образом, чтобы он представлял собой обширное предмостное укрепление, способное, в случае необходимости, вместить большую часть нашей армии. Мой малый авангард располагался в Кёттене, а малый авангард шведской армии занимал Дессау, чтобы прикрыть строительство моста, сооружаемого в этом месте по приказу кронпринца шведского.

Наше строительство продвигалось быстро, уже через несколько дней Акен был в состоянии оказать серьезное сопротивление. Возведение моста шло труднее, не хватало строительных материалов, а левый берег Эльбы в этом месте был таким заболоченным, что пришлось сооружать дамбу. Пока мы занимались этими работами, генерал Чернышев, при котором состоял мой брат, получил приказ быстро направиться к Касселю во главе отряда легкой кавалерии, чтобы посеять страх на коммуникациях неприятеля. Он исполнил это поручение с такой скоростью, что король Вестфалии Жером⁵⁵

уже успел убежать. Слабый французский гарнизон, находившийся в Касселе, опасаясь городских жителей и немецких войск, капитулировал и сдал город Чернышеву. В наши руки попали все королевские обозы, его любовница и драгоценности двора.

Но наших войск было недостаточно, чтобы сохранить это завоевание, была только радость победы. На третий день мы покинули Кассель, куда при помощи войск, предоставленных французским генералом, вернулся король.

С нашей стороны неприятель двинулся на Кёттен и выбил оттуда наш малый авангард. Увлечшись преследованием, он был атакован казаками, посланными мною вперед, и отрядом майора Обрезкова⁵⁶, который патрулировал на другом берегу реки и прибыл на место как раз вовремя, чтобы атаковать неприятельскую кавалерию с фланга. Она была отброшена и прогнана за Кёттен, который вновь заняли наши казаки.

Строительство моста было, наконец, завершено, граф Воронцов со всем авангардом форсировал Эльбу, и мы обосновались в Кёттене. Вся армия переправилась через реку. Армия Императора двинулась к Лейпцигу. Армия Блюхера, выдержав несколько боев, также последовала за Наполеоном на левый берег Эльбы. Тиски вокруг французской армии сжимались, когда неожиданно она изменила направление движения.

Она обратно перешла Эльбу и этим неожиданным маневром посеяла страх. Берлин уже заранее считали разоренным, наши мосты, взятые приступом, были разрушены, наши обозы и больные захвачены. Получив эту новость, войска были поражены, генералы не знали, что им следовало предпринять. Все словно окаменели. Император был слишком далеко, чтобы срочно отдать новые приказания. У нас не было больше мостов, чтобы незамедлительно следовать за движением неприятеля. Он имел преимущество и, вне всякого сомнения, мог сжечь Берлин. Войска, оставленные в Дрездене, могли выйти оттуда и присоединиться к Наполеону на правом берегу Эльбы. Гарнизон Магдебурга и войска Даву в Гамбурге могли последовательно усилить французскую армию.

Театр военных действий мог переместиться в Ганновер и Голландию и в целом изменить шансы, которые коалиционные силы уже считали реализованными. К счастью, после нескольких стычек и, посеяв страх в нашем тылу, движение было прекращено. Наполеон вернулся на дорогу в Лейпциг и направился навстречу своей гибели. Все армии приблизились друг к другу. Вскоре Европа будет наблюдать за тем, что произойдет.

Император с главной армией дебушировал из Альтенбурга, корпус генерала Беннигсена появился на дороге из Дрездена, кронпринц Шведский прибыл по дороге из Торгау, генерал Блюхер, прибыв из Гаалле, довершил на правом берегу Эльстера обложение Лейпцига. Французская армия должна была бы отступить, так как у нее в тылу были многочисленные и сложные переходы через реку. Но характер Наполеона был слишком хорошо известен, чтобы не сомневаться в том, что он примет сражение.

Он не колебался, уступая в численности четырем армиям, подходившим, чтобы объединиться против него, он атаковал самую важную из них — ту, в которой находились три Государя. 2 октября началось это великое сражение; командовавший авангардом Главной армии граф Пален подвергся сильному нападению. 4 октября граф Виттенштейн был отбит, часть нашей кавалерии отброшена, сам Император оказался в гуще сражения и был спасен только храбрыми действиями лейб-гвардии Казачьего полка, который приостановил атаку противника, дав нашей кавалерии время перестроиться.

К вечеру того же дня генерал Блюхер приблизился к Лейпцигу и так стремительно атаковал противостоящий ему французский корпус, что отбросил его до предместий Лейпцига и захватил 24 орудия.

Жребий был брошен, Наполеону не осталось ничего другого, как готовиться к генеральному сражению. Его армия развернулась на равнинах перед Лейпцигом. 5 октября обе стороны использовали для подготовки к бою, все союзные войска объединились и образовали полукруг перед неприятелем.

6 октября всё пришло в движение, и к полудню на всех пунктах с обеих сторон сражалось до 500 тысяч человек. Гений Наполеона будто удваивал численность его войск; везде, где он появлялся, раздавались крики: «Да здравствует Император!», которые возведали о смелых атаках; на некоторых пунктах они заставили нас отступить. Деревни, позиции захватывались и вновь отбивались с огромными потерями. Французы держались с отвагой, достойной 20 лет своих побед. Тем не менее, массы наших войск постепенно завоевывали территорию, положение неприятеля с каждой минутой становилось более стесненным и подверженным огню нашей неисчислимой артиллерии, занимавшей позиции в форме полукруга.

В разгар сражения находившиеся под знаменами французской армии саксонские войска повернули оружие и перешли на нашу сторону. С этого предательства (которое нашло своих почитате-

лей) началось распространение беспорядков в неприятельских рядах. Теснимая со всех сторон, эта прекрасная армия не теряла надежды на победу.

Находившиеся на правом фланге Главной армии и на левом фланге нашей армии австрийцы начали слабеть, когда к ним на поддержку прибыл наш корпус. Кронпринц шведский приказал мне идти вперед с двумя конными батареями, Павлоградским гусарским и Волынским уланским полками. Батарея английских ракетчиков, стрелявших ракетами Конгрева, заняла позицию рядом с нами и соперничала в храбрости и быстроте действий с нашими полковниками Арнольди⁵⁷ и Апушкиным⁵⁸. Тогда это впервые применялось в открытом поле; эффект был ужасный, изумленные и опрокинутые французы убегали со всех сторон, три батареи преследовали их с такой стремительностью, которая не давала им времени перестроить свои ряды. Справа от меня граф Мантейфель⁵⁹ во главе Санкт-Петербургских драгун набросился на неприятеля, австрияки воспряли духом, и вся линия двинулась вперед. Но французы, увидев беспорядок в своих рядах, постарались быстро его исправить, на помощь пришла многочисленная артиллерия, скорым шагом прибыли колонны пехоты, и мы были яростно атакованы ими. Граф Мантейфель был убит, его полк отступил, в английского капитана, командовавшего ракетной батареей, угодило ядро, полковнику Арнольди перебило ногу, часть наших орудий была выведена из строя, а моя поредевшая кавалерия прикрывала отступление этой самой артиллерии.

Справа от меня граф Воронцов с двумя пехотными дивизиями предпринял штыковую атаку и возобновил сражение. На крайнем правом фланге армия маршала Блюхера показала чудеса храбрости, ценою огромных потерь осталась хозяйкой на поле боя и проникла в предместья Лейпцига. Армия, в которой находились оба императора и король Пруссии, добилась только некоторых успехов, так как именно против нее Наполеон предпринял свои основные действия. Но к концу дня и в этом пункте победа склонилась в сторону союзников. Все неприятельские позиции были завоеваны, враг был отброшен на окраины Лейпцига. Тем временем огонь прекратился; с того расстояния, на котором находились наши позиции, мы не могли различить его результатов. Спустившаяся ночь застала нас в неуверенности о размерах нашей победы. День был утомительным, артиллерийская канонада прекратилась только с наступлением ночи. Каждый остановился там, где сражался, не выставив аванпостов, в

ожидании следующего дня и результатов этого важного и кровопролитного сражения.

На следующее утро из-за густого тумана положение оставалось неясным. Выдвинутые вперед патрули вскоре уверили нас в том, что поле сражения осталось за нами, а противник отступил. Погода прояснилась, и мы увидели Лейпциг, находящийся в нескольких верстах от нас. Вся равнина между городом и нами была покрыта остатками французской армии — перевернутыми пушками, огромным количеством зарядных ящиков, повозками, ранеными лошадьми, которые бродили между мертвыми и умирающими, все это доказало нам, что накануне мы добились полной победы. С разных сторон наших позиций раздались крики «Ура!», подхваченные всеми линиями. Пушки приблизились к окружавшим Лейпциг садам, полки егерей бросились вперед, и ожесточенная битва возобновилась у городских ворот.

Ночью Наполеон ушел со всей своей армией, оставив примерно 30 тысяч человек под командованием князя Понятовского⁶⁰ для защиты Лейпцига и для прикрытия своего бегства. Через какой-нибудь час все городские ворота были захвачены, русские части во главе колонн со всех сторон первыми вошли в город, гоня перед собой охваченных страхом французов. Разгром был полный, враг бросился из города, чтобы захватить мосты, одни из которых были сожжены самими французами, другие разрушились под тяжестью бегущих по ним людей; это было истребление. Те, кто спасся от штыков, бросились в реку, раненый князь Понятовский, едва не попавший в плен, тоже решил переправиться вплавь и нашел в реке свою смерть.

Император Александр одним из первых вошел в город и положил конец этой резне. Король Саксонии, сопровождавший своего союзника Наполеона, появился на улице, чтобы выплакать себе прощение, он один остался предателем интересов Германии. Император не подал вида, что узнал его. Напротив, самый радушный прием был оказан попавшим к нам в руки французским генералам. Были отданы самые суровые приказы для того, чтобы с жителями города и с военнопленными хорошо обращались.

Улицы были запружены примерно 200 брошенными неприятелем артиллерийскими орудиями, обозными фурами, ранеными и бегущими людьми.

Со всех сторон были расставлены гвардейские части, и вскоре, повинувшись одной воле Императора, спокойствие было восстановлено. Флаги всех союзных наций устремились к Лейпцигу, равнина была

покрыта войсками. Гвардейцы разных армий направлялись взять под охрану те здания в городе, которые были предназначены для их Государей. Казалось, что австрийцы, пруссаки, шведы, русские составляли одну нацию, всё смешалось, все поздравляли друг друга и возносили благодарности Богу. Взятие Лейпцига разрушило германскую цепь и повергло наземь французского колосса.

Глава этой коалиции Император Александр был в зените славы. Он объезжал линии всех войск, везде его встречали победными возгласами. Наш корпус, не видевший его на протяжении всей кампании, встретил его радостными криками «Ура!». Приблизившись к нему, кронпринц шведский сказал: «Почтение новому Агамемнону!».

Часть войск была направлена на преследование неприятеля, но так как выбор пал на австрийцев, то погоня была слабой.

Наш корпус стал лагерем на поле сражения, и я воспользовался этой передышкой для того, чтобы попасть в Лейпциг, представлявший любопытное зрелище.

Корпус баварских войск под командованием генерала Вреде⁶¹, собранный якобы с целью прийти на помощь Наполеону, перешел на нашу сторону и занял Ханау с тем, чтобы помешать проходу французской армии и воспрепятствовать ее возвращению во Францию.

Если бы после Лейпцига преследование французов было поручено нашим войскам и деятельному генералу, или если, что было бы ещё лучше, Император двинулся дальше со всей армией, то план баварцев мог бы оказаться успешным. Но он был обречен на провал с того момента, когда Наполеон, преследуемый лишь издали слабыми силами, получил возможность обрушиться всеми своими войсками на 30 тысяч человек, ранее приученных бояться французов. Вреде даже не смог выбрать хорошую позицию, его войска были опрокинуты, он сам ранен. Эта победа лишь украсила стремительное отступление Наполеона.

Слишком долго обсуждаемые и слишком медленно исполненные движения войск не позволили Государям снискать славу уничтожителей неприятеля. Пройдя по баварскому корпусу, Наполеон вернулся в пределы своей империи и все еще казался опасным монстром. Рейн был страшной границей, и объединенная Европа не решалась нарушить пределы Франции.

Остановились во Франкфурте, начались переговоры. Все отдыхали, все забавлялись и тем самым дали Наполеону время подготовиться к новым сражениям.

*** **

Немало способствовавший поражению неприятеля кронпринц шведский пожелал удостовериться в том, что он получит за это компенсацию. В благодарность за поддержку ему была обещана Норвегия. Дания была на стороне Франции и присоединила свои войска к корпусу маршала Даву под Гамбургом.

Противостоящий этим силам генерал Вальмоден не располагал требуемыми возможностями не только для того, чтобы сократить неприятельские войска, но даже с тем, чтобы заставить врага считаться с собой. Обстоятельства и повод были слишком удачными, чтобы отказать шведам в удовольствии разбить датчан, исконных и неизменных врагов их родины.

Шведские и частично русские войска под командованием кронпринца шведского перешли Эльбу и направились в Голштинию. Генерал Винценгероде с оставшимися от его корпуса войсками двинулся через Мюльхаузен на Кассель, где, как предполагалось, можно было ожидать сопротивления. Графу Воронцову было поручено командовать авангардом, в который входил и я.

Наше продвижение было только прогулкой, победа под Лейпцигом открыла нам в Германии все дороги, даже наименее храбрые ее жители не опасались больше возврата французского ига, всех переполняла радость, и нас встречали как освободителей.

Мы прибыли под Кассель, из которого после получения известия о поражении французской армии уехал король Жером со своим двором и небольшим количеством оставшихся у него войск. В одно время с нами приехал наследный принц, теперь великий князь Гессенский. Мы приостановили на несколько часов свое движение с тем, чтобы не испортить ему возвращение в столицу и оставить на его долю все проявления национального энтузиазма. Из любопытства мы вдвоем с Воронцовым издали последовали за ним и были глубоко тронуты искренней радостью добрых жителей, увидевших сына своего бывшего законного государя. К его приезду со всех сторон сбегались люди, плакавшие от умиления, все обнимались и собирались вокруг его лошади. Но в городе все было по-другому, мы не заметили ни скопления людей по пути его проезда, ни даже желания из любопытства его увидеть.

Царствование Жерома было увеселением жизни, он перенес в Кассель из Парижа роскошь удовольствий и развращенности. Все доходы его королевства были направлены на украшение столицы, на роскошь его двора, на городские развлечения и на расточительство

его товарищей по пирушкам и его любовниц. Женщины и молодые люди развлекались и находили такое течение жизни весьма удобным. Торговцы, рабочие и артисты много зарабатывали, изобилие города заставило забыть нищету деревни. Жерома не любили, но боялись возвращения прежних обычаев военной скудости, которые были присущи прежнему режиму и столь грустно контрастировали с годами безумств, которыми только что наслаждались.

Кассель был единственным городом Германии, где нас не встретили с распростертыми объятиями. Разочарованный первым приемом принц достаточно неловко скрылся в своем дворце, где ожидал приезда своего отца, что совершенно не противоречило грустным ожиданиям от его возвращения. Мы провели в городе несколько дней, стараясь воскресить добрый пример короля (Жерома. — О. М.), о котором все сожалели.

Генерал Винценгероде получил приказ двигаться на Бремен с тем, чтобы помешать Даву, ушедшему из Гамбурга, и приблизиться к Голландии.

Для меня сформировали отряд, с которым я должен был занять Оснабрюк с тем, чтобы наблюдать за неприятелем, который владел всеми укрепленными пунктами на Исселе и собирал корпус в Голландии. Я двинулся через Падерборн, где нас встретили с неизъяснимой радостью. Вся эта страна свободно вздохнула после возвращения своих прежних государей, и ненависть к французам была доведена до крайности.

По прибытии в Оснабрюк я расположил свой отряд самым широким образом под прикрытием трех казачьих полков, которые защищали мой лагерь.

Несколько закупок материи и других необходимых вещей обновили обмундирование моих войск. Артиллерии также был сделан необходимый ремонт, и в течение восьми дней мы наслаждались полным спокойствием. Внезапно я получил приказ наиболее спешным образом двигаться к Бремену, которому угрожал Даву и к которому еще не подошли войска генерала Винценгероде.

Не теряя ни мгновения, отряд отправился в путь. Выйдя в 6 часов утра, уже к 10 часам вечера того же дня мы были в одной миле от Бремена, пройдя 11 миль за 16 часов.

Там я получил известие о том, что маневр Даву был ложным и что я могу вернуться в свой лагерь. Возвращались мы несколько дольше, чем шли туда, но эта операция доказала мне, каких результатов можно добиться при наличии доброй воли войск.

Мы вернулись к развлечениям и балам, которые нам давали один за другим, и провели еще несколько дней в приготовлениях к новым тяготам.

¹ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1353. Л. 1 — 642.

² Санкт-Петербургское отделение Архива РАН. Ф. 764. Оп. 4. Д. 5. Л. 1 — 575.

³ Военный журнал. СПб., 1817. Кн. III. С. 25 — 41.

⁴ Там же. Кн. VII. С. 22 — 33.

⁵ Харкевич, 1903. Вып. 2. С. 53 — 138.

⁶ Записки А.Х. Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001.

⁷ Сидорова М. В. Новооткрытые мемуары графа Бенкендорфа как исторический источник // Наше наследие. 2004. № 71. С. 56 — 72.

⁸ Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Записки графа А.Х. Бенкендорфа» № 02-01-00411а (РГНФ).

⁹ Публикуется по: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1353. Л. 415 — 474.

¹⁰ Йорк Ганс Людвиг (1759—1830), с 1813 граф фон Варгтенбург, прусский генерал-лейтенант. В 1813 — командир 1-го прусского корпуса в Силезской армии.

¹¹ Мюрат Исахим (1767—1815), король Неаполитанский, маршал Франции. В декабре 1812 — Главнокомандующий Великой армией.

¹² Богарне Эжен Роз де (Евгений Наполеон) (1781—1824), вице-король Итальянский. С января 1813 — Главнокомандующий Великой армией, с апреля 1813 — командир 5-го и 11-го корпусов, с мая 1813 — командующий Итальянской армией.

¹³ Чичагов Павел Васильевич (1767—1849), адмирал, генерал-адъютант. В 1812 — 1813 — командующий 3-й Западной армией.

¹⁴ Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, с февраля 1813 — генерал-лейтенант. В начале 1813 — командир отдельного отряда в 3-й Западной армии, позднее командир отдельного корпуса Северной армии.

¹⁵ Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818), барон, генерал от кавалерии. В 1813 командир российского корпуса в Северной армии.

¹⁶ Виттенштейн Петр Христианович (1768—1843), граф, генерал от кавалерии. В 1813 — командующий российской армией, после смерти Кутузова, в апреле — главнокомандующий российско-прусскими войсками; позднее — командир российского корпуса в Богемской армии.

¹⁷ Чернышев Александр Иванович (1785—1857), граф, генерал от кавалерии. В 1813 — генерал-лейтенант, командир казачьего корпуса в войсках Воронцова, командир армейских партизанский отрядов.

¹⁸ Тетенборн (Теттенборн) Фридрих Карл (1779—1845), барон, генерал-майор (с 16 (28) марта 1813). В 1813 — командир отдельного летучего отряда в корпусе Вальмодена.

¹⁹ Ренье Жан Луи Эбенезер (1771—1814), граф, французский дивизионный генерал. В 1813 — командир 13-го саксонского корпуса. Взят в плен под Лейпцигом 7 (19) октября 1813.

²⁰ Бенкендорф Константин Христофорович (1725—1828), брат А.Х. Бенкендорфа, генерал-лейтенант. В 1813 — полковник кавалерии, командир армейского партизанского отряда.

²¹ Сухтасен 2-й, Павел Петрович (1788—1833), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1813 — полковник.

²² Гартемберг (Хартеттенберг), канцлер.

²³ Дибич Иван Иванович (1785—1831), барон, генерал-фельдмаршал. В 1813 — генерал-майор (с 8 (20) октября — генерал-лейтенант), генерал-квартирмейстер союзных армий.

²⁴ Мельников 4-й Григорий Григорьевич (1777—?), полковник. В 1812 — июле 1813 — российский войсковой старшина, с 17 (29) июля 1813 — подполковник.

²⁵ Имеется в виду Тверской-Ямской казачий полк — сформирован по указу Императора Александра I от 10 сентября 1812 из ямщиков Тверской и Московской губерний. В 1813 — действовал в составе отдельных отрядов Германии. Расформирован 2 июня 1816.

²⁶ Даву Луи Никола (1770—1823), маршал Франции. В 1813 — командир 1-го корпуса, с июля 1813 — командир 13-го корпуса.

²⁷ Алопеус Наталья Давыдовна (1796—1823), дочь посланника России в Берлине Д.М. Алопеуса, позднее жена К.Х. Бенкендорфа.

²⁸ А.Х. Бенкендорф знаком N обозначал новую тетрадь с текстом, в то время как год описываемых событий выносил на поля. — Прим. ред.

²⁹ Дернберг Вильгельм Каспар Фердинанд (1768—1850), с 1812 российский генерал-майор. В 1813 — командир армейского партизанского отряда в корпусе Вальмодена.

³⁰ Бедряга Егор Иванович (1773—1813), полковник. В 1813 — полковник Изюмского гусарского полка. Погиб во время взятия Касселя.

³¹ Эссен Густав Иванович (?—1816), полковник. С 27.05.1813 — подполковник, командир 2-го егерского полка.

³² Моран Шарль Антуан Луи Алексис (1771—1835), граф, французский дивизионный генерал. С марта 1813 — командир 12-й дивизии корпуса Бертраана.

³³ Врангель Карл Егорович (1794—1874) — генерал от кавалерии. В 1813 — капитан.

³⁴ Вальмоден-Гимборн Людвиг Георг Теодор (1769—1862), граф, австрийский фельдмаршал-лейтенант, принят на русскую службу 18 (30) марта 1813. В 1813 — 1814 — командир отдельного Российско-германского корпуса в Северной армии.

³⁵ Бернадотт Жан Батист Жюль (1774—1852), наследный принц шведский Карл Юхан. В 1813 — главнокомандующий Северной армией.

³⁶ Бюлов Фридрих Вильгельм фон (1755—1816), граф, прусский генерал от инфантерии. В 1813 — генерал-лейтенант, командир 3-го прусского корпуса в Северной армии.

³⁷ Шварценберг Карл Филипп (1771—1820), князь, австрийский генерал от кавалерии. В 1813 — главнокомандующий Богемской армией.

³⁸ Блюхер Гебхардт Лебрехт (1742—1819), князь, генерал-фельдмаршал. В 1813 — командир прусского корпуса, после Плейсвицского перемирия — главнокомандующий Силезской армией.

³⁹ Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752—1837), барон, генерал-лейтенант (с 30 августа (11 сентября) 1813) — генерал от инфантерии. В 1813 — командир корпуса в Силезской армии.

⁴⁰ Ланжерон Александр Федорович (1763—1831), граф, генерал от инфантерии. В 1813 — 1814 — командир корпуса в Силезской армии.

⁴¹ Клейст Фридрих Генрих Фердинанд (1762—1823), граф, генерал от инфантерии. В 1813 — командир 2-го прусского корпуса.

⁴² Моро Жан Виктор (1755—1828), барон, французский дивизионный генерал, в июле 1813 — перешел на сторону союзников. Смертельно ранен в сражении под Дрезденом 15 (27) августа 1813.

⁴³ Имеется в виду сражение под Дрезденом 14 — 15 (26—27) августа 1813.

⁴⁴ Сражение состоялось 11 (23) августа 1813.

⁴⁵ Орурк Иосиф Корнилович (1762—1849), граф, генерал-майор, с 28 сентября (10 октября) 1813 — генерал-лейтенант. В 1813 — командующий кавалерий в корпусе Воронцова, позднее — в корпусе Витгенштейна.

⁴⁶ Полное название населенного пункта — Клостер-Цинна.

⁴⁷ Ней Мишель (1769—1815), герцог, маршал Франции. В феврале 1813 — командир 1-го корпуса, с марта — 3-го корпуса.

⁴⁸ Пааен Матвей Иванович фон дер (1779—1863), граф, с 23 августа (4 сентября) 1813 — генерал-майор. Кавалерийский начальник в отряде А. И. Чернышева.

⁴⁹ Остерман-Толстой Александр Иванович (1771—1857), граф, генерал-лейтенант. В 1813 — командующий Гвардейским корпусом.

⁵⁰ Имеется в виду сражение у с. Кульм 17 — 18 (29—30) августа 1813.

В действительности под Кульмом со стороны французов сражался не 2-й армейский корпус маршала К. Виктора, а 1-й армейский корпус генерала Д.-Ж. -Р. Вандаммы, усиленный 42-й пехотной дивизией 14-го корпуса, одной пехотной бригадой из 2-го корпуса и легкой кавалерийской дивизией генерала Ж. -Б. -И. Корбино (всего 37 тысяч человек). К тому же Вандамм был разбит вовсе не генерал-лейтенантом графом А. И. Остерманом-Толстым, чей 20-тысячный отряд сдерживал натиск французов 17 (29) августа 1813 года, в первый день сражения (когда сам граф Остерман-Толстой выбыл из строя по причине тяжелого ранения). Это сделали во второй день, 18 (30) августа, превосходящие силы русских, австрийских и прусских войск (до 103 тысяч человек) под общим командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли. — *Прим. ред.*

⁵¹ Виктор (Перрен) Клод (1764—1841), маршал Франции. В 1813 — командир отдельного корпуса.

⁵² Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826), граф, генерал от инфантерии. В 1813 — главнокомандующий Польской армией.

⁵³ Толстой Петр Александрович (1769—1844), граф, генерал от инфантерии. В 1813 — командующий корпусом из ополченческих частей в составе Польской армии; в сентябре 1813 корпус Толстого участвовал в блокаде Дрездена, позднее принимал участие в осаде Магдебурга и Гамбурга.

⁵⁴ Тауэндин фон Виттенберг Фридрих Богислав Эммануэль (1760—1824), граф, прусский генерал-лейтенант. В 1813 — командир 4-го прусского корпуса в Северной армии.

⁵⁵ Бонапарт Жером (1784—1860), король Вестфальский. В 1807 — 1812 — командир 8-го вестфальского корпуса.

⁵⁶ Обрезков Василий Александрович (1790—1839), полковник. В 1813 — майор, командир кавалерийского отряда.

⁵⁷ Арнольди Иван Карлович (1780—1860), генерал от артиллерии. В 1813 подполковник артиллерии, командир 13-й конной роты. За отличие в сражении под Лейпцигом произведен в полковники.

⁵⁸ Анушкин Александр Николаевич (1781—?), в 1813 — полковник, командир 11-й конной роты 4-й резервной артиллерийской бригады.

⁵⁹ Мантейфель (Цеге фон Мантейфель) Иван Васильевич (1772—1813), граф, генерал-майор. В 1813 — командующий кавалерией 12-го пехотного корпуса.

⁶⁰ Понятовский Юзеф Антоний (1763—1813), князь, польский дивизионный генерал (с 4 (16) октября 1813 — маршал Франции). В 1812 — марте 1813 — командир 5-го корпуса; позднее — командир 8-го корпуса.

⁶¹ Вrede Карл Филипп Йозеф фон (1767—1838), граф, баварский генерал от кавалерии. В 1813 — главнокомандующий Баварской армией.